

В.М. Головки

Натурфилософские идеи И.-В. Гёте в творческой рецепции И.С. Тургенева

Натурфилософия И.С. Тургенева, художника и мыслителя, является «его созданием», его «философическим убеждением». Формирование взглядов писателя на отношения между природой и человеком осуществлялось в процессе диалога с И.-В. Гёте, творческое наследие которого оставалось в центре внимания на протяжении всей литературной деятельности русского писателя. Реализм как философский, воззренческий принцип и гуманизм Гёте, диалектичность его мышления были созвучны основам мирозерцания писателя. При совпадении представлений о природе как «единстве», «стройном целом», о её «безграничной продуктивности», о природе и «человеческом духе», рассматриваемых в парадигме дополнительности, генезис гуманистического пессимизма Тургенева, его суждения об онтологической драме человека остаются за рамками философии природы Гёте.

Natural philosophy of I.S. Turgenev, the artist and thinker, is «his own creation» and his «philosophical conviction». The formation of the writer's views on the relationship between nature and man was performed in the process of dialogue with J.W. von Goethe, whose creative heritage remained in the spotlight throughout the literary activities of the Russian writer. The writer perceived Goethe's realism as a philosophical and visionary principle, humanism and dialectical thinking as in tune with his worldview fundamentals. Despite the coincidence of ideas of nature as «unity», «harmonious whole», of its «boundless productivity», of nature and «human spirit» considered in the paradigm of subsidiarity, the genesis of Turgenev's humanist pessimism and his ideas on ontological human drama remains outside Goethe's philosophy of nature.

Ключевые слова: натурфилософия; реализм; гуманизм; диалектика; онтологическая драма человека.

Keywords: natural philosophy; realism; humanism; dialectics; ontological drama of man.

Бинарная философская оппозиция «человек и природа» является конфликтоорганизующей константой художественного мира И.С. Тургенева. Её эстетически повышенная функциональная роль в произведениях писателя объясняется не «отражением» какой-либо «системы

на образах» [5: П., т. 10, с. 156], созданных им, а стремлением художника к рассмотрению проблем человеческой экзистенции в онтологической парадигме. Обновление этой парадигмы за счёт развёртывания «человеческого» в качестве фундаментального «слоя» бытия [7: с. 40–48] стало закономерной реакцией на распространение и укрепление позитивизма в мировоззренческих исканиях времени писателя. Осознание трагического, неразрешимого противоречия между «живым» человеком и «бесконечной гармонией» «равнодушной природы» пришло к Тургеневу очень рано. И в художественном творчестве, и в различных формах рядом протекающей литературной деятельности писателя фиксируются его представления о дисгармоничности отношений между природой и человеком, опредмечивается сам процесс рефлексии, связанной с ощущением метафизического одиночества, «онтологической драмы» «конкретного индивида». В романе «Накануне», например, дисгармония человека и природы становится предметом трагических раздумий героев. Мироощущение «одинокого человека» выражается в словах о том, «<...> какое странное чувство возбуждает <...> природа <...>», «какое-то беспокойство, какую-то тревогу, даже грусть»: «Сколько <...> ни стучись природе в дверь, не отзовется она понятным словом, потому что она немая» [5: С., т. 6, с. 165].

Натурфилософия Тургенева-художника в полном смысле слова — «его создание», его «философское убеждение» [5: П., т. 1, с. 164, 163], хотя в научной литературе стало уже почти традиционным утверждение того, что «конфликтообразующую мировоззренческую основу творчества Тургенева в целом» в значительной мере определили категории немецкой классической философии, «в особенности гегелевская система с её противоположением и единством конечного и бесконечного, частного и всеобщего» [14: с. 74]. Роль и значение философских «штудий» И.С. Тургенева в его творческом процессе нельзя преуменьшать, но в такой же мере — и преувеличивать. С кем-то из предшественников и современников в трактовках онтологических и экзистенциальных проблем он сближался в большей мере (с Монтенем, Паскалем, Гёте, Тютчевым, например), с кем-то плодотворно полемизировал (скажем, с Шопенгауэром), от одних воспринял основополагающие философские идеи (например, диалектическую идею развития Гегеля или этический аспект категорического императива Канта), воззренческие доктрины других вызвали его критическую оценку (Руссо, ранний Шеллинг, Э. Гартман и др. [5: П., т. 2, с. 267; т. 3, с. 219; т. 5, с. 124; т. 11, с. 292]). Но в любом случае он не был «последователем» философских систем, и критика в адрес, скажем, «Мыслей» Паскаля в этом отношении очень показательна: в «этюде» «Довольно» писатель идею человеческого достоинства подкрепляет образом-концептом французского мыслителя, «называвшего человека мыслящим тростником» [5: С., т. 7, с. 226], а при этом в письмах сетует на то, что он «растаптывает всё, что есть дорогого у человека» [8: с. 184]. Когда Тургенев в письме к А.И. Герцену 23 октября (4 ноября) 1862 года убеждал своего корреспондента в том,

что «зияющая могила» ожидает «философию Гегеля и Шеллинга», то лишний раз подтверждал, что «ни в какие абсолюты и системы» не верил [5: П., т. 5, с. 124; т. 14, с. 39]. Так мог говорить «поэт», отстаивающий право искусства на «всю правду» [5: П., т. 3, с. 180] в познании человека и бытия и рассматривающий искусство как принципиальную альтернативу теоретическому знанию, логическому обобщению, основанному на концептуальных построениях.

В этом контексте особенно показательна история восприятия и творческой интерпретации И.С. Тургеневым натурфилософии немецкого поэта и мыслителя И.-В. Гёте (1749–1832). Вопрос о преемственных связях русского писателя со всем комплексом идей и эстетикой автора «Фауста» имеет уже давнюю традицию и солидную историографию, он освещается в тех или иных аспектах в работах разного типа — от крупных монографий (В.М. Жирмунский, 1937; Andre von Gronicka, 1985; И.А. Беляева, 2011) до небольших статей и заметок. Чаще всего исследователи обращают внимание на восприятие Тургеневым «Фауста», «Страданий юного Вертера», трагедии «Эгмонт», лирики Гёте, на «гётевское» в таких тургеневских произведениях, как «Фауст», «Ася», «После смерти (Клара Милич)», на трактовку идей немецкого поэта-мыслителя в статьях «“Фауст”, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург» и др. Рассматриваются и многочисленные аллюзии, реминисценции, цитаты из произведений Гёте в художественных, эпистолярных, литературно-критических, мемуарных и других текстах Тургенева. Типологические связи со всей очевидностью обнаруживаются в онтологии и натурфилософии Гёте и Тургенева, но они гораздо реже становились предметом сравнительно-сопоставительного анализа художественного философствования двух великих писателей.

В декабре 1839 года будущий автор «Записок охотника», «Фауста», «Отцов и детей», «Довольно», «Стихотворений в прозе» писал Т.Н. Грановскому: «Я всё не перестаю читать Гёте» [5: П., т. 1, с. 144]. То же самое он мог сказать и через сорок с лишним лет. Европейская культура сыграла очень большую роль в становлении и развитии И.С. Тургенева как философски мыслящего писателя. Период глубокого интереса к философии в России 1830–1840-х годов — времени формирования взглядов и творческого самоопределения Тургенева — характеризуется активным взаимодействием локальных национальных культур, которые утрачивали качества до этого времени достаточно замкнутых образований, обусловленных ограниченным пространством диалогической коммуникации.

Как верно заметила исследовательница символистской критики Леа Пильд, Д.С. Мережковский в небольшой статье «Памяти Тургенева» (1893) воссоздал культурно-психологический и эстетический облик писателя, «типологически близкий Гёте, чье творчество и восприятие действительности являлось в то время для Мережковского гносеологической нормой» [12]. И Гёте, и Тургенев были художниками и мыслителями, принципиально отрицавшими

ортодоксальность и доктринёрство, более всего интересовавшимися «живой правдой» жизни [5: П., т. 14, с. 39]. В этом отношении немецкий поэт был для русского писателя хорошим примером. «<...> Гёте как поэт, — писал Тургенев, — вовсе не дорожил своими воззрениями и системами; он легко и свободно покидал их... его, в сущности, занимало одно: жизнь, возведённая в идеал поэзии («die Wirklichkeit zum schönen Schein erhoben», как говорил он), жизнь во всех ее проявлениях» [5: С., т. 1, с. 208–209].

Жизнь представлялась Тургеневу процессом, подчиняющимся «Закону своего существования» [5: П., т. 1, с. 425]. В июле 1849 года он писал П. Виардо: «Тысячи миров, в изобилии разбросанных по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное распространение жизни <...> Это произведение непреодолимого, невольного, бессознательного движения, которое не может поступать иначе; это не обдуманное творчество» [5: П., т. 1, с. 425]. Гёте, занимавшийся изучением органического мира природы, был создателем натурфилософии, имевшей своим объектом жизненные формы. Это не могло не привлечь внимания русского писателя, который, пытаясь, по просьбе М.А. Милютиной, определить основы собственного мирозерцания, писал в 1875 году, что является «преимущественно реалистом» [5: П., т. 14, с. 39], и реализм писателя был его не только эстетическим, но, как и «реализм» Гёте (см.: [9: с. 34, 60]), философским, мировоззренческим принципом. В трагедии «Фауст», которую Тургенев знал наизусть почти полностью, герой Гёте в диалоге с Мефистофелем противопоставляет ценность земной, реальной жизни потустороннему «там»: «Что будет там, о том мне нет заботы... // Здесь, на земле, живут мои стремленья, // Под солнцем, здесь, мои мученья...» [4: с. 99]. О своей «прикованности к земле» писал и Тургенев в одном из писем П. Виардо 1848 года: «<...> жизнь, действительность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее скоротечную красоту... всё это я обожаю» [5: П., т. 1, с. 392], а о том, что «ко всему сверхъестественному относился равнодушно», говорил, спустя многие годы, в упомянутом письме М.А. Милютиной 22 февраля (6 марта) 1875 года.

Постигая «истинный смысл природы» в духе натурфилософии Гёте, подчёркивавшего, что «каждому из её (Природы. — В.Г.) созданий дана особая сущность, каждое её явление — обособленное понятие, всё вместе, однако, — единое целое» [3: с. 488], Тургенев писал С.Т. Аксакову в феврале 1853 года: «Бесспорно, вся она (Природа. — В.Г.) составляет одно великое, стройное целое — каждая точка в ней соединена со всеми другими — но стремление ее в то же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной, обращала бы всё окружающее себе в пользу, отрицала бы его независимость, завладевала бы им как своим достоянием. <...> Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, всё живет только для себя, — как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, всё, что существует — существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения — и все жизни

сливаются в одну мировую жизнь — это одна из тех “открытых” тайн, которые мы все — и видим, и не видим» [5: П., т. 2, с. 204]. Эти идеи, безусловно, восходят к положению Гёте о Вечно-Едином, о том, что «всё есть гармоническое единое», «целое», но при этом утрачивают религиозно-натуралистическую окраску. Художественная интерпретация натурфилософских идей Гёте в разных текстах Тургенева в плане переосмысления их пантеистической парадигмы — весьма закономерное с этой точки зрения явление. Если немецкий поэт-мыслитель, например, декларировал тождество Бога и Природы, то Тургенев ещё в магистерской работе указывал — объективно — на уязвимость обожествления Вселенной. Его не случайно отталкивал пантеизм раннего Шеллинга и привлекал «глубокий реализм» (А.И. Герцен) Гёте, доминировавший над проявлениями в его сочинениях имманентно-трансцендентного пантеизма. «Реальное, истинное понимание природы» немецкого поэта-мыслителя (так А.И. Герцен определял понимание природы Гёте, воплощённое в его сочинении «*Metamorphose der Pflanzen*» [1: с. 118]), для которого «природа — есть сама жизнь», импонировало Тургеневу.

Мысли Гёте — «Природа... всё разъединяет, чтобы всё соединить» и «Её венец — любовь. Только через любовь можно к ней приблизиться» были чрезвычайно созвучны тургеневской философии природы. В литературно-критической статье «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Москва. 1852» (1852, опубл. в 1853) Тургенев цитировал «афористическую статью» Гёте «Природа» (1783) в собственном переводе. В современных изданиях эти положения передаются следующим образом: «Она (Природа. — *В.Г.*) всё разъединила, чтобы всё свести воедино. <...> Её венец — любовь. Только через любовь можно приблизиться к ней» [3: с. 490]. В разных произведениях писателя можно обнаружить немало подобных реминисценций из гётевской «Природы» — в «Поездке в Полесье» (1857), «Довольно» (1865), в стихотворении в прозе «Природа» (1879), в романах Тургенева, в его статьях и рецензиях. Известно, что текст этого произведения «написан не самим Гёте, а близким ему в то время священником Тоблером, изложившим мысли и идеи Гёте о природе на основании бесед с ним» [2: с. 497]. В «Пояснении к афористической статье “Природа”» Гёте писал 24 мая 1828 года: «Фактически я, правда, не могу вспомнить, чтобы я сочинил эти размышления, однако они вполне согласуются с теми представлениями, которых достиг в своём развитии мой дух в то время». Но при этом поэт признавался, что «статья <...> написана хорошо знакомой рукой, которой» он «обычно пользовался при работе в восьмидесятые годы» [2: с. 40]. Как отмечают исследователи, «Гёте справедливо считал это произведение своим и включил его в собрание своих сочинений» [2: с. 497].

Восприятие природы как «стройного целого» к середине XIX века стало общепринятым (причём, как, например, в идеализме Шеллинга, утверждавшего, что природа должна быть понята как живой организм, как целое, в котором проявляется тождество природы и духа, так и в материализме Герцена). Безусловно, положение Гёте о «целостности» природы [2: с. 39] имеет давнюю философскую

традицию. Оно перекликается с положениями онтологии других мыслителей, скажем, Лейбница, который ещё в конце XVII – начале XVIII века выдвинул положение о гармоничности Вселенной в целом, о динамичности её состояния. В философских медитациях И.С. Тургенева можно обнаружить переключки с мыслями Лейбница о бесконечном количественном и качественном многообразии мира. Тем не менее текстуальные совпадения произведений Гёте и Тургенева показывают, что натурфилософия немецкого поэта была своеобразным мировоззренческим ориентиром русского писателя, и претекстовая функция сочинений Гёте фиксируется в нарративе и интертекстуальной поэтике многих тургеневских созданий.

Универсальные начала и стихии бытия, проявляющиеся в жизни Природы, осмысливались этими писателями как выражение постоянного воспроизведения, преобразования, обновления, развития. Мысль Гёте — «Природа — это вечная жизнь, становление и движение, но с места она не трогается. <...> Всегда целостная, она не бывает закончена» [3: с. 488, 490], фиксирующая идею устойчивости динамики всех форм бытия, — была близка Тургеневу. Мыслящий диалектически, писатель понимал жизнь «как постоянно побеждаемое противоречие» [5: С., т. 11, с. 70], творчески реализуя при этом одно из кардинальных положений философии Гёте: «Диалектика — это развитие духа противоречия, который дан человеку, чтобы он учился познавать различие вещей» [2: с. 361].

Существенно то, что, создавая в противовес западному механистическому материализму творческое учение о Природе, Гёте актуализировал идею её связи с «человеческим духом», рассматривая эту связь в парадигме дополнительности. «Кто хочет наибольшего, должен желать целого, — писал Гёте в работе «Якоби. Биографические детали», — кто рассматривает дух, пусть исходит из природы; кто говорит о природе, пусть предполагает дух или молча соглашается с этим» [2: с. 276]. Этот тезис Гёте творчески воспринимался и интерпретировался Тургеневым. Когда он писал, что человек связан с природой «тысячью неразрывных нитей: он сын её» [5: С., т. 4, с. 516], то имел в виду происхождение, родство человека со всем сущим в «одной мировой жизни» [5: С., т. 4, с. 517], но и одновременно — то «духовное», в котором запечатлено всё многообразие человеческих проявлений, собственно человеческое бытие, «исходящее из природы». Неповторимое «я» — «одна светлая точка» — рассматривалось писателем как порождение и продолжение Вселенной, Природы (продолжение творящей силы Природы в мыследеятельности и шире — жизнедеятельности человека): «<...> тесная связь человеческого духа с природой, — писал он Беттине Арним, — <...> самое глубокое явление нашей жизни <...> Однако для того чтобы иметь возможность вступить в этот союз, надо быть таким же правдивым, как сама природа, чтобы каждый замысел природы, каждое ее движение претворились в человеческой душе непосредственно в сознательные мысли, в духовные образы» [5: П., т. 1, с. 351]. Для создателя «Фауста» — человек не только «червь презренный и ничтожный» [4: с. 57], но и «орган чувств природы»: «дух» и «материя» составляют

«гармоническое Вечно-Единое». В размышлениях о «природе» и «человеческом духе» Тургенев невольно апеллировал к Гёте, который в стихотворении «Метаморфоз животных» (1806) писал, имея в виду человека: «Радуйся, высшее создание природы, ты чувствуешь себя способным // Мысленно следовать за её высшим и мыслями, // к которым, творя, она вознеслась!» [9: с. 59–60]. В философской рефлексии русского писателя собственно человеческое бытие, сопрягаемое с «идеями», «духовным началом», «мышлением», является аспектом, одной из дефиниций категории «природа человека» [5: П., т. 1, с. 352].

На таком понимании «природы человека» основывалось признание его (человека) воплощением духовного начала, продуктом движения, развития Жизни / Природы как «великого, стройного целого»: «Природа — *единое* (выделено И.С. Тургеневым. — *В.Г.*) чудо и целый мир чудес: таким же должен быть каждый человек — таков он и есть; и что он именно таков, открыли нам великие люди всех времен. <...> Разве напрасно всё духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется “Я”? Чем была бы природа без нас, — чем были бы мы без природы? И то и другое немислимо!» [5: П., т. 1, с. 352]. Гёте находился прежде всего в числе этих «великих людей». В понятии «природа человека» Тургенев акцентировал идею изоморфности «природы» и «я», природного основания человеческой экзистенции. Понимая человека как единство противоположных, но неразрывно связанных друг с другом начал — «природы» и «духа» («мысли», «сознания», «культуры»), писатель в этом единстве усматривал человеческую сущность, то, что возвышает человека над природой, Вселенной. Онтология Тургенева со всей очевидностью не вписывалась в христианскую картину мира, которая в культуре того времени репрезентировала господствующее мировоззрение. Ориентация на философию природы и антропологию Гёте, который «человеческое ставил выше божественного» [2: с. 11], для Тургенева, писателя и мыслителя, была вполне осознанной и оправданной мировоззренческой установкой.

Художественные, литературно-критические сочинения и письма даже раннего Тургенева дают представление о его попытках гармонизации, диалектического «примирения» «противоречия» [5: С., т. 1, с. 206] «целого» природы, с одной стороны, и человеческого «я», личности, — с другой. Эти попытки конкретизировались в поисках «примирения» между «жизнью», «равнодушной природой» [5: П., т. 1, с. 425, 406] и человеком мыслящим, отстаивающим свою нравственную свободу, в признании субстанциональной общности их сущностей. Но не случайно такие сближения он определял как проявление «философско-пантеистического настроения ума» [5: П., т. 1, с. 392]. В письме П. Виардо (16) 28 июля 1849 года Тургенев высказал весьма значительное в этом смысле суждение: «<...> равнодушная, властная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая — это жизнь, природа, это бог; называйте ее как хотите <...>» [5: П., т. 1, с. 425]. В то же время такое «настроение» было обусловлено поисками «истины» и «личного Бога», что «являлось только метафорой стремления к живому, конкретному пониманию человека и естественных

и общественных условий его существования» [11: с. 16]. Когда Тургенев на магистерском экзамене (1842), рассматривая вопрос о пантеизме, писал, что «человек есть личность Бога» [11: с. 15], то даже в этой официальной, квалификационной работе сумел актуализировать идею «живого индивида» (см.: [10]).

В статье о переводе М. Вронченко «Фауста» Гёте Тургенев в контексте глубокого анализа философско-эстетического значения искусства романтизма как эпохи развития человеческой культуры, связанной с актуализацией, «апофеозной личности» [5: С., т. 1, с. 202], касался прежде всего вопросов философской антропологии, рассматривал человеческое «я» как онтологическую категорию: «Последним словом всего земного для Гёте (так же, как и для Канта и Фихте) было человеческое я... И вот это я, это начало <...> краеугольный камень всего существующего <...>» «<...> в этом я вы находите целый мир» [5: С., т. 1, с. 206, 204]. Значение поэзии Гёте Тургенев видел в том, что он — «защитник всего человеческого, земного» — в понятийный арсенал (подобно Фаусту — «через науку») ввёл категорию «живого человека» [5: С., т. 1, с. 216, 211, 224], отстаивая его «права» даже перед лицом «безразличной, спокойной “субстанции” Спинозы» (всеобъемлющей природы. — *В.Г.*) [5: С., т. 1, с. 211]. (Имя нидерландского философа-пантеиста XVII века появилось здесь не случайно: Тургеневу было хорошо известно, какую большую роль сыграл Б. Спиноза в духовном развитии Гёте.) Но такое понимание «сущности человека» одновременно порождало ту трактовку онтологической драмы в творчестве писателя, которая была обусловлена осознанием «живым индивидом» «мгновенности жизни», «собственного ничтожества», перед лицом «вечной Изиды» [5: С., т. 5, с. 130; т. 7, с. 226, 227]. Художественно-философской антропологии И.С. Тургенева оказались созвучными положения Гёте, как и Шопенгауэра, о том, что природа «кажется <...> только и хлопчет о том, чтобы создавать личности — и личности ей ничего не значат. Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает», и «смерть — художественный приём для создания новых жизней» [3: с. 489]. Этот философский пассаж содержался в том фрагменте рецензии Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова, который был изъят цензурой при её публикации и который писатель в качестве приложения включил в письмо автору этого произведения от 5, 9 (17, 21) февраля 1853 года [5: П., т. 2, с. 204–205]. Таких «счастливых», каких разумел Гёте в одном из своих стихотворений, когда писал: «Того из всех счастливым назову я, // Пред кем природа-бог разоблачает, // Как, плавя прах и в дух преображая, // Она созданье духа сохраняет» [2: с. 420], — в посюстороннем мире просто не существует... Тургенев вполне разделял мысли Гёте о том, что в природе нет «ничего длительного, всё мимолетно, тысячи зародышей растаптываются, каждый миг рождаются тысячи новых...» [2: с. 322]. Человек не составляет исключения. Но в трактовках отношений между «равнодушной природой» и человеком два писателя существенно отличались друг от друга: в антропологическом аспекте философии природы Гёте нет того трагического начала, которое является сущностным для творческих созданий Тургенева.

В произведениях немецкого поэта тоже можно обнаружить мотивы метафизического одиночества человека и гуманистического пессимизма, которые столь характерны для художественной натурфилософии И.С. Тургенева. В «Фаусте», например, человек — «жалкий червь земли» — на фоне «пространств мироздания» предстаёт во всём своём ничтожестве [4: с. 64]. В этом плане трагедию Гёте можно рассматривать в качестве одного из источников философской и художественной рефлексии оппозиции «человек и природа» в письмах и произведениях Тургенева, как литературных, так и критико-публицистических, мемуарных и т. д. Во многих из них сохраняется атмосфера трагического, которая определялась осознанием несоединимости «не обдуманного творчества» Природы-Жизни, «Законов её существования» [5: П., т. 1, с. 425] и человеческих представлений о ценностных критериях, определяющих само понятие «смысла жизни», индивидуального, личностного бытия, значимости творческой деятельности человека. Природа учит «смирению» [5: П., т. 3, с. 107]. «Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе — вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится», — делает вывод рассказчик-повествователь в «Поездке в Полесье» [5: С., т. 5, с. 147]. Именно здесь формулируется её «неизменный закон» — закон «равновесия жизни»: «Всё, что выходит из-под этого уровня — кверху ли, книзу ли, всё равно, — выбрасывается ею вон, как негодное» [5: С., т. 5, с. 147]. «Незыблемый» закон «равновесия», «восстанавливающегося» Природой, констатировался и Гёте (см.: [3: с. 489–490]). Переключки этих медитаций лишь усиливали то ощущение метафизического одиночества человека, находящегося под властью враждебных ему универсальных стихий, характерного для форм выражения авторского сознания в письмах Тургенева П. Виардо и Е.Е. Ламберт 1840–1850-х годов, в таких произведениях писателя, как «Поездка в Полесье», «Накануне», «Отцы и дети», «Довольно», в повестях о «трагическом значении любви», «Стихотворения в прозе» и т. д. Один из сквозных «гётевских» мотивов творчества Тургенева — «личности ей (Природе. — В.Г.) ничего не значат. Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает» [5: С., т. 4, с. 517] — звучит в рассказе «Поездка в Полесье» 1857 года столь же отчётливо, как в стихотворении в прозе «Природа» 1879 года. «Поездка в Полесье»: «“Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку, — я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть» [5: С., т. 5, с. 130]; «Природа»: «“<...> разве мы, люди, не любимые твои дети?” <...> “Все твари мои дети, — промолвила она (Природа. — В.Г.), — и я одинаково о них забочусь — и одинаково их истребляю. <...> Я тебе дала жизнь — я ее отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно... А ты пока защищайся — и не мешай мне!”» [5: С., т. 10, с. 165]. В «Максимах и размышлениях» Гёте мысль о необходимости человека и всего живого «защищаться» от Природы, звучит со всей очевидностью: «Человек сквозь все свои состояния укрепляется против природы, чтобы избежать её в тысячах форм проявляющегося зла <...>» [2: с. 322]. Аллюзия максимы Гёте об искусстве как форме «защиты» «против

разрушительной силы целого» [2: с. 322] в её философско-гуманистическом содержании играет значительную роль в раскрытии натурфилософской проблематики тургеневского «Довольно».

«Таинственный смысл» жизни природы [5: С., т. 5, с. 147], которая в то же время «индивидуумов <...> и знать не хочет» [4: с. 488], — это, по словам Тургенева, «одна из тех “открытых” тайн, которые мы все видим и не видим» [5: С., т. 4, с. 517]. Данный тезис из рецензии «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» восходит к тому же источнику — «Природе» И.-В. Гёте: «Мы живём среди неё (Природы. — *В.Г.*), но мы ей чужды. Непрестанно говоря с нами, она не выдаёт нам своей тайны» [3: с. 488]. «Чужое слово», появляющееся в тексте Тургенева, указывает на это.

Диалектический характер философской интерпретации проблемы человека и мира в произведениях Гёте нейтрализовал трагическую огласовку в познании «противоположнейших произведений» и «самопротиворечивой сущности» Природы [2: с. 26]. «Человеку вполне подобает принять неисследуемое, — писал он в «Максимах и размышлениях». — Однако своему исследованию он не должен ставить никаких границ, ибо хотя природа и обладает преимуществом над человеком и, по-видимому, многое скрывает от него, но и он обладает, в свою очередь, тем преимуществом над ней, что может своею мыслью если и не проникнуть сквозь неё, то возвыситься над ней» [2: с. 355]. И для немецкого поэта-мыслителя это было вовсе не «слабое достоинство», не «печальное утешение», как для Тургенева, вложившего эти слова в уста лирического героя «отрывка» «Довольно» [5: С., т. 7, с. 226; П., т. 6, с. 108].

Проблемные, философско-образные параллели многих художественных произведений, а также эпистолярная, статей, рецензий и т. д. писателя, в которых как несоединимые начала предстают «древняя ночь» и «слабое сияние» человеческой жизни [5: П., т. 1, с. 406], «стройное целое» природы и «эгоизм» каждой её «отдельной» «единицы», фиксируют доминантные универсалии в познавательном отношении автора к бытию. Но, сопоставляя философское мировоззрение Гёте и Тургенева, нельзя сводить натурфилософию русского писателя к какому-либо (пусть даже самому авторитетному для него) источнику. Не случайно, скажем, в мысли о «равновесии жизни» — «пике» выражения «подлинного “я” Тургенева» — М.О. Гершензон усматривал тождество с «метафизикой Востока» [6: с. 64], а П.Н. Сакулин — развитие «виталистических идей» [13: с. 97].

Осознание «ничтожности» «части времени» — человеческой жизни — «перед вечностью» определяло пессимистическую огласовку философских медитаций даже Евгения Базарова в романе «Отцы и дети» [5: С., т. 7, с. 119], единственного тургеневского героя, казалось бы, способного заставить время «от него зависеть» [5: С., т. 7, с. 34]. Человек мыслящий в художественном мире писателя находится в оппозиции «не обдуманному творчеству» природы [5: П., т. 1, с. 425]. В процессе такой философской рефлексии и раскрывалась

писателем «онтологическая драма человека», которая не отрицалась «категорией разума» [1: с. 114]. Художественная философия природы писателя осложнялась глубоким сомнением в возможности определения «пути к истинному и вечному сочетанию раздвоенного» [1: с. 138], и вопрос о «гармонии» человека и природы всегда сохранял для него проблемную остроту.

Библиографический список

Источники

1. Герцен А.И. Письма об изучении природы // Герцен А.И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. С. 93–327.
2. Гёте И.-В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. 520 с.
3. Гёте И.-В. Природа // Гёте И.-В. Избранное. М.: Гос. изд-во дет. лит-ры, 1963. С. 488–490.
4. Гёте И.-В. Фауст / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Гос. изд-во дет. лит-ры, 1954. 352 с.
5. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–1986. (При цитировании указывается серия С. (Сочинения), П. (Письма).)

Литература

6. Гершензон М.О. Мечта и мысль Тургенева. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. 170 с.
7. Головкин В.М. Художественно-философская интерпретация свободы и необходимости И.С. Тургенева в парадигматическом контексте аксиологического онтологизма XX века // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 40–48.
8. Гранжар А. Неизвестные письма И.С. Тургенева (Из архива семьи Виардо) // Иностранная литература. 1971. № 1. С. 170–204.
9. Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. Л.: Наука, 1970. 191 с.
10. Лисовский Н.М. Новые материалы для биографии И.С. Тургенева. Три письменных ответа И.С. Тургенева на магистерском экзамене, сообщенных редакции «Библиографа» А.П. Вороновым. СПб., 1892. С. 9–28.
11. Нойхель Р. Тургенев и философские течения XIX века // И.С. Тургенев: мировоззрение и творчество, проблемы изучения: межвуз. сб. научн. трудов. Орёл: Орловск. гос. пед. ин-т, 1991. С. 11–24.
12. Пильд Л. Тургенев в символистской критике (1999). URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:m02k8o2LOL4J:www.rl-critic.ru/histeo/pild.html+&cd=211&hl=ru&ct=clnk> (дата обращения: 08.05.2015).
13. Сакулин П.Н. На грани двух культур. И.С. Тургенев. М.: Мир, 1918. 103 с.
14. Тиме Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.

References

Istochniki

1. Gercen A.I. Pis'ma ob izuchenii prirody' // Gercen A.I. Sobr. soch.: v 9 t. Т. 2. М.: Gos. izd-vo. xudozh. lit-ry', 1955. S. 93–327.
2. Gyote I.-V. Izbranny'e filosofskie proizvedeniya. М.: Nauka, 1964. 520 s.

3. *Goyte I.-V. Priroda* // Goyte I.-V. Izbrannoe. M.: Gos. izd-vo det. lit-ry', 1963. S. 488–490.
4. *Goyte I.-V. Faust* / Per. s nem. N. Xolodkovskogo. M.: Gos. izd-vo det. lit-ry', 1954. 352 s.
5. *Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* M.: Nauka, 1978–1986. (Pri citirovanii ukazy'vaetsya seriya S. (Sochineniya), P. (Pis'ma.))

Literatura

6. *Gershenzon M.O. Mechta i my'sl' Turgeneva.* M.: T-vo «Knigoisdatelstvo pisatelej v Moskve», 1919. 170 s.
7. *Golovko V.M. Xudozhestvenno-filosofskaya interpretaciya svobody' i neobxodimosti I.S. Turgeneva v paradigmaticeskome kontekste aksiologicheskogo ontologizma XX veka* // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 4. S. 40–48.
8. *Granzhar A. Neizvestny'e pis'ma I.S. Turgeneva (Iz arxiva sem'i Viardo)* // Inostrannaya literatura. 1971. № 1. S. 170–204.
9. *Kanaev I.I. Goyte kak estestvoispy'tatel'.* L.: Nauka, 1970. 191 s.
10. *Lisovskij N.M. Novy'e materialy' dlya biografii I.S. Turgeneva. Tri pis'menny'x otveta I.S. Turgeneva na masterskom e'kzamine, soobshhenny'x redakcii «Bibliografa» A.P. Voronovy'm.* SPb., 1892. S. 9–28.
11. *Nojxel' R. Turgenev i filosofskie techeniya XIX veka* // I.S. Turgenev: mirovozzrenie i tvorcestvo, problemy' izucheniya: mezhvuz. sb. nauchn. trudov. Oryol: Orlovsk. gos. ped. in-t, 1991. S. 11–24.
12. *Pil'd L. Turgenev v simbolistskoj kritike (1999).* URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:m02k8o2LOL4J:www.rl-critic.ru/histeo/pild.html+%&cd=211&hl=ru&ct=clnk> (data obrashheniya: 08.05.2015).
13. *Sakulin P.N. Na grani dvux kul'tur. I.S. Turgenev.* M.: Mir, 1918. 103 s.
14. *Time G.A. Rossiya i Germaniya: filosofskij diskurs v russkoj literature XIX–XX vekov.* SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. 456 s.